

«Мировой нефтяной отрасли истощение ресурсной базы не грозит» – Андрей Конопляник

Интервью с заместителем генерального секретаря Секретариата Энергетической Хартии

После того как 3 июня ОПЕК приняла решение об увеличении нефтяных квот, цены на «черное золото» снизились с рекордных 40 долларов примерно до 35 долларов за баррель. С 1 июля страны ОПЕК увеличивают добычу нефти до 25,5 млн баррелей в сутки, а с 1 августа – еще на 500 тыс. баррелей в сутки. В совокупности это является самым большим увеличением производственных квот ОПЕК за последние шесть лет. Организация надеется, что увеличение добычи поможет вернуть мировые цены в рамки ценового коридора ОПЕК 22-28 долл./барр. Однако это не мешает экспертам предрекать новый взлет цен на топливо. В частности, Агентство природных ресурсов и энергии Японии не исключает, что цена на нефть поднимется аж до 86 долларов за баррель, что может привести к глобальному экономическому кризису. О причинах высоких цен на нефть и перспективах развития мирового нефтяного рынка корреспонденту RBC daily Дмитрию Коптюбенко рассказал заместитель генерального секретаря Секретариата Энергетической Хартии Андрей Конопляник.

– Андрей Александрович, каковы причины столь высоких мировых цен на нефть? Можно ли объяснить их исключительно факторами растущего спроса со стороны США и Китая и нестабильностью на Ближнем Востоке, или же для этого есть более фундаментальные причины, в частности, истощение мировых запасов нефти?

– В настоящее время эксперты называют целый ряд причин, которые в той или иной степени подталкивают цены на нефть вверх. Прежде всего, росту цен способствует объективное 30-процентное падение курса доллара. Только лишь этот фактор сам по себе, по мнению представителей ОПЕК, привел к повышению уровней границ ценового коридора ОПЕК с 22-28 до 28-36 долл./барр. Выступая в конце мая на 9-м Международном Энергетическом форуме в Амстердаме, представитель Министерства нефти Ирана привел расчеты, согласно которым, если скорректировать максимальную зафиксированную цену нефти в 40 долл. за баррель

(биржевые котировки более дорогой западнотехасской нефти, котируемой на Нью-Йоркской бирже) на изменение курса доллара, поправку на качество (менее дорогих ближневосточных нефтей) и транспортную составляющую (по доставке нефти из Персидского залива на восточное побережье США), то ее цена в Персидском заливе составила бы 29 долл./барр., что не сильно отличается от действующего ценового коридора ОПЕК. Кроме того, до последнего времени нефть дорожала из-за более высоких, чем предполагалось ранее, темпов роста мировой экономики, прежде всего в Азии (в особенности в Китае). Более того, ожидания роста цены на нефть подстегиваются планами Китая, Индии, Южной Кореи и Тайваня создать государственные чрезвычайные запасы жидкого топлива, суммарная величина которых в течение двух лет может достичь около 30 млн т. Одновременно сокращается число стран-экспортеров. Китай, который еще 10 лет назад экспортировал нефть, в 2003 г. вышел на второе место в мире по ее импорту. В прошлом же году впервые нефть и газ пришлось импортировать и Великобритании. В свою очередь и Норвегия уже фактически вышла на пик своих добывающих возможностей. Весной в импортера нефти превратилась и Индонезия, которая, кстати, входит в ОПЕК.

Также не следует забывать, что большую часть прироста нефтяного оборота на Нью-Йоркской фондовой бирже контролирует группа неизвестных спекулянтов. Объем их позиций оценивается более чем в 130 млн т нефти и нефтепродуктов, что составляет 4,5 месяца мирового потребления. Поэтому многие экономисты полагают, что на бирже надувается спекулятивный пузырь. В связи с этим, к примеру, министр энергетики Алжира выразил мнение, что цены смогут существенно снизиться только в том случае, если ФРС США изменит учетную ставку, для того чтобы спекуляции на нефтяном рынке стали для инвесторов менее интересны, чем другие сферы приложения капитала. Однако похоже, что нефтью интересуются не только спекулянты, но и долгосрочные финансовые инвесторы, для которых, по-видимому, высокие сегодняшние цены на нефть трансформировались в устойчивые ожидания сохранения их на этом высоком уровне. Единственное, что сдерживает поток долгосрочных, прежде всего пенсионных, инвестиций в нефтяные активы, – это то, что данные активы не являются обычными для фондов.

К росту цен приводит и увеличение издержек добычи нефти в течение последних нескольких лет – по крайней мере, по группе примерно 20 крупнейших международных нефтяных компаний, работающих во всех нефтяных районах земного шара, статистика которых во многом отражает агрегированную общемировую картину. Вызвано ли это повышение издержек истощением месторождений во всем мире? Многие специалисты, и особенно неспециалисты, отвечают на этот вопрос утвердительно. Мой ответ – нет. Почему? Потому что не нужно смешивать понятия «ресурсы» (геологическая категория; в принципе – невозобновляемые, но до достижения их верхней границы еще очень и очень далеко, поскольку эта верхняя граница даже не определена количественно), «запасы» (в основном – за исключением «доказанных извлекаемых запасов» – техническая, также постоянно растущая категория, показывает: наличие какой

части ресурсов современные технологии разведки и добычи подтвердили в недрах и в принципе позволяют извлечь) и «производственные мощности»/«доказанные извлекаемые запасы» (экономическая категория, отражающая наиболее консервативную величину оценки запасов, показывает, какую их часть можно рентабельно извлечь, является результатом (или функцией) оценки инвестиционной привлекательности проектов освоения разведанных запасов). Текущее повышение издержек носит циклический, а не структурный характер и через некоторое время сменится очередной фазой их снижения. Цикл этот имеет не геологическое, а инвестиционное обоснование. Для справки: за последние полвека в мировой нефтяной отрасли прошло как минимум два полномасштабных цикла снижения-роста издержек. Нынешняя фаза роста издержек – начальный этап очередного, третьего, по моим расчетам, цикла. В то же время, пожалуй, за исключением Саудовской Аравии и Кувейта возможности большинства стран ОПЕК по быстрому (одномоментному) увеличению текущей нефтедобычи ограничены из-за нехватки резерва неиспользуемых производственных мощностей. Это, кстати, является одной из причин того, что инициатива Саудовской Аравии об увеличении добычи картеля долгое время не встречала поддержки со стороны большинства представителей организации. Экспертов пугает также, что до 90% саудовской нефти добывается на восьми давно разрабатываемых месторождениях, что, по мнению некоторых из них, ставит под сомнение величину запасов нефти в этой стране и экономическую привлекательность саудовской нефти для потребителей. Однако, на мой взгляд, такие опасения опираются на неверную «картину нефтяного мира» – до тех пор, пока эта страна располагает самыми большими запасами (почти четверть мировых) самой дешевой нефти (издержки добычи – менее 2-4 долл./барр.), а также огромными неразведанными ресурсами, она всегда будет являться одной из наиболее инвестиционно привлекательных стран для потенциальных инвестиций в разведку и добычу. Поэтому вопрос – когда таковой встанет на повестку дня – о компенсации падения добычи на разрабатываемых месторождениях, на мой взгляд, в Саудовской Аравии не вызовет трудностей с его решением – даже, по-видимому, если страна не решит открыться для иностранных инвесторов, которые выстраиваются в очередь, чтобы получить доступ к освоению ее углеводородных ресурсов (достаточно вспомнить количество заявок от крупнейших международных компаний на участие в недавних конкурсах по освоению газовых ресурсов страны).

К этому списку причин роста цен на сырую нефть можно добавить относительную нехватку мощностей для глубокой переработки нефти в странах-потребителях, а следовательно, опасения надвигающегося дефицита нефтепродуктов в США, крайне низкий уровень мировых коммерческих запасов нефти (при высоких ценах на нефть выгоднее срабатывать накопленные в период дешевых цен ее запасы, чем накапливать их по текущим дорогим ценам), противоречие в балансе спроса и предложения легкой малосернистой нефти, потребность в которой растет, но доля которой в структуре поставок неуклонно снижается, а также правила регулирования и налогообложения, которые дополнительно поднимают цены на нефть у потребителя из-за высокой доли налогов в цене. Наконец, в цене на нефть

заложена военная премия, связанная с иракским конфликтом и общей нестабильностью на Ближнем Востоке.

– Кстати, после первой войны в Ираке наблюдался длительный период низких цен на нефть. Почему подобный сценарий не развивается сейчас – учитывая, что новая война расценивалась многими как война за нефть?

– Давайте вспомним ситуацию 1991 г. К началу ирако-кувейтской войны наблюдался очень короткий и очень быстрый взлет цен, за ним последовало такое же быстрое их падение после молниеносной и неразрушительной для нефтяной инфраструктуры войны (взлет цен был связан именно с боязнью угрозы разрушений). По окончании военных действий в течение нескольких лет цены не были очень низкими, скорее, они колебались около одного уровня в пределах от 15 до 25 долл./барр. и только в конце 90-х гг. провалились ниже 10 долл./барр. из-за азиатского кризиса. Поэтому говорить о том, что следствием ирако-кувейтского кризиса явились низкие цены, нельзя. Резкое снижение цен стало результатом глобальных экономических проблем (глобального экономического цикла), которые привели к уменьшению спроса на нефть в Азии и появлению вследствие этого на мировом рынке избытка предложения системообразующей нефти из стран Ближнего и Среднего Востока – основных поставщиков нефти в Азию.

Сейчас вопрос надо ставить по-другому. Почему подготовка к войне в Ираке и сама война не загнали цены еще выше того уровня, на котором они находятся в настоящее время, почему не было такого же скачкообразного взлета цен, как в 1991 г.? На мой взгляд, такая динамика нефтяных цен говорит о том, что сегодня поведение рынка стало очень предсказуемым, он стал хорошо изученным и прозрачным для надежных количественных оценок мощностей, объемов добычи, экспорта-импорта и т. п. Но сегодня рынок живет глобальными ожиданиями биржевых игроков, которые через систему биржевого образования цен на нефть в мировом масштабе влияют на величину цен на нефть, поскольку вводят в цену различного рода риски, связанные с реальными и мнимыми угрозами для мирового нефтеснабжения. Действительно, традиционная военная премия в цене была. Она всегда присутствует в ожидании возможного конфликта, который может повредить инфраструктуру не только в одной конкретной стране (все-таки Ирак поставляет на внешний рынок достаточно ограниченное количество нефти). Скорее, премия отражала опасения относительно того, что в результате терактов или по каким-то другим причинам могла быть нарушена поставка нефти из всего региона. Поэтому такого резкого падения цен, как в 1991 г., и не было, ведь не было и такого же взлета цен. Менее понятно, почему цены так долго удерживаются на высоком уровне, почему военная премия не исчезла до сих пор. Скорее всего, это отражает биржевые ожидания того, что террористические операции, в том числе за пределами Ирака, могут продолжиться.

– Существует ли «потолок» для нефтяных цен? Насколько могут вырасти нефтяные цены без учета неожиданных факторов?

– Многие разделяют точку зрения, согласно которой долговременные предельные издержки в нефтяной отрасли будут все время расти, в первую очередь – из-за ухудшения природных условий добычи, что будет подталкивать вверх цены на нефть, постоянно повышая тем самым их «потолок». Мне кажется, что в данном случае – как и везде в мире – работает совершенно другой механизм, механизм сдержек и противовесов, а именно связь природного фактора и научно-технического прогресса. Первый фактор, при прочих равных, действительно, начиная с 70-х годов прошлого столетия постоянно «подталкивает» цены вверх – по мере освоения все новых месторождений издержки добычи нефти растут. В настоящее время, по данным большого числа компаний, как раз наблюдается фаза роста издержек. Это значит, что на нынешнем этапе в очередной раз действие природного фактора, направленное в последние полвека всегда в сторону повышения издержек, стало превалировать над действием фактора НТП, всегда направленного в сторону снижения издержек, правда, с разной интенсивностью. При наличии компоненты НТП наблюдается не постоянный рост издержек, а своего рода цикл, который можно наблюдать примерно с 60-х гг. Как только цены выходят на определенный уровень, который для данной фазы развития экономики не является приемлемым, запускаются механизмы интенсификации НТП, которые приводят к снижению издержек. Поэтому «потолок» цен – это не фиксированная величина. Более важно то, что издержки не могут расти неограниченное время. В принципе, касательно текущей ситуации, переломным моментом может стать уровень издержек в пределах 10 долл. за баррель для ближневосточной нефти.

– Насколько существенно, на Ваш взгляд, текущие высокие цены на нефть могут повредить росту экономик стран ОЭСР?

– По мере развития мировой экономики высокие цены на нефть оказывают все меньшее негативное влияние на экономику стран-импортеров по одной простой причине. За период после резкого взлета цен на нефть в начале 70-х гг. развитые страны диверсифицировали не только источники поставок нефти, но и структуру энергобаланса. Зависимость от нефти во многих секторах резко уменьшилась. Сегодня зависимыми от нефти являются только те сектора, где ей нет разумной альтернативы, – в первую очередь транспорт. В силу этих объективных причин высокие цены на нефть в исторической перспективе будут оказывать все меньшее воздействие на экономику. В тех же секторах, где от нефти никуда не деться, высокие цены могут быть в какой-то степени компенсированы ростом коммерческих и стратегических запасов сырой нефти и нефтепродуктов и дальнейшей диверсификацией источников ее поставок. Положительное влияние на удержание цен на нефть на относительно неизменном уровне может оказывать даже не столько сработка этих запасов, а лишь выброс информации о предполагаемой или намечаемой их сработке. Поэтому сегодня зависимость диверсифицированных экономик от высоких цен на нефть не столь велика, как зависимость монопродуктовых, скажем, стран-экспортеров нефти, у которых кроме нее ничего нет (это не относится к нашей стране). В той волне опасений за будущее развитых экономик, которая идет в прессе, в особенности американской, очень сильную роль играет предвыборный фактор. Ведь политика республиканцев и

демократов существенно различается: одни выступают за то, чтобы расширять возможности добычи внутри страны, другие – за развитие альтернативных энергоисточников. Возможно, эта компонента в предвыборной дискуссии по поводу цен на нефть (с точки зрения демонстрации избирателям заботы о них накануне выборов; ведь цена на бензин и ее динамика – это чувствительный индикатор настроений электората и важный элемент предвыборных технологий) является не менее, а может, даже более значимой, чем реальные опасения угрозы высоких цен для американской экономики и экономик других развитых стран с точки зрения сползания в рецессию.

– Можно ли ожидать, что высокие цены на нефть приведут к тому, что будут расконсервированы старые мощности по добыче нефти, например, в США?

– Расконсервация мощностей или добыча из малодебитных скважин – это не только результат технических возможностей. В США огромное количество нефти добывается из малодебитных скважин (80-85% американского фонда скважин – это скважины на малодебитных месторождениях). Крупные международные вертикально интегрированные нефтяные компании не ведут добычу из малодебитных скважин – это не их бизнес. Этот бизнес – для мелких и средних неинтегрированных нефтяных компаний, которые являются особенно чувствительными к изменениям ценовой конъюнктуры и делового климата. Для них добыча из малодебитных скважин является в значительной степени результатом той налоговой и инвестиционной политики, которая делает ее либо выгодной, либо невыгодной. В ряде случаев дебиты могут быть настолько низкими, что эти скважины можно будет ввести в эксплуатацию только за счет очень интенсивного налогового стимулирования – вплоть до полной отмены всех налогов, чтобы цена могла покрывать издержки (очень высокие при добыче из малодебитных скважин по причине именно их низких дебитов) и обеспечивать приемлемую норму прибыли. Это касается не только США, но и других добывающих стран, проводящих разумную (то есть не только фискально-ориентированную) налоговую политику. В этом случае государству может оказаться выгоднее получать дополнительную нефть и обеспечивать дополнительную занятость, пожертвовав налоговыми поступлениями от ее добычи, – косвенные эффекты для страны окажутся выше «выпадающих налогов».

– Приведет ли решение ОПЕК о повышении квоты на добычу и экспорт нефти к существенному снижению цен на нефть?

– Повышение квоты означает увеличение поставок нефти на рынок. Даже если поставщик нарушал действующую ранее квоту и новая квота в значительной степени лишь юридически закрепила текущий уровень добычи, у покупателей формируются нормальные ожидания того, что новая квота также может нарушаться. Ограничение для этого существует только одно – имеющийся в наличии резерв неиспользуемых производственных мощностей. Сегодня этот резерв существует в ОПЕК в основном в Саудовской Аравии. Получается, что чем в большей степени этот резерв задействуется (то есть чем ближе та или иная страна

подходит к верхнему пределу своих добывающих мощностей), чем меньшими становятся возможности для дальнейшего увеличения квоты, тем в меньшей степени каждое последующее повышение квот будет оказывать воздействие на рынок нефти. Но при заданном уровне спроса это дополнительное повышение все же будет балансировать спрос и предложение или уменьшать разрыв между спросом и предложением и в любом случае будет оказывать понижающее давление на цены. Но если окажется, что спрос будет расти и дальше и в какой-то момент разрыв снова станет увеличиваться, следующего повышения квот может оказаться недостаточно. Будет ли достаточно оставшихся мощностей для того, чтобы снова повысить квоты? Большинство стран ОПЕК практически вышли на предельный уровень своих добывающих мощностей. Дальнейшее повышение квот организации возможно только за счет одной или двух стран. Это может вызвать еще большие разногласия внутри картеля, который постоянно испытывает внутренние противоречия вследствие различий в подходах государств ОПЕК к выработке единой политики организации в отношении нефтяных квот: более населенные страны ОПЕК с меньшими запасами нефти, как правило, требуют больших квот для себя и меньших – для менее населенных государств с большими ресурсами/запасами. В силу внутривнутриполитических проблем ОПЕК дальнейшее повышение квот может не последовать, или же для него нужно будет запускать сложный механизм кредитования нефтью одними странами других. Это очень сложный механизм; я не помню, чтобы он применялся на практике, и не уверен, что он будет применяться. Боюсь, что квоты ОПЕК уже сегодня могут быть близки к максимуму, в силу того что многие страны – члены картеля работают на пределе своих добывающих мощностей.

– Почему сразу после повышения квот ОПЕК ряд стран-участниц картеля заговорили о необходимости снижения квот? Свидетельствует ли это о том, что в последнее время ОПЕК перестала контролировать ситуацию на рынке нефти?

– Разговор о снижении квот может быть вызван тем, что многие страны вышли на уровень, близкий к пределу добывающих мощностей. Любая страна, говорим ли мы о добыче, переработке или о чем-либо еще, как правило, не может работать на пределе своих мощностей, у нее должен быть какой-то оперативный резерв. Необходимо отличать технический уровень мощностей и уровень мощностей, определяющий максимально эффективное их использование. Оперативные, ремонтные и другие резервы всегда должны существовать. Когда страна выходит на уровень добычи со 100-процентным использованием мощностей, с экономической точки зрения это чревато для нее дополнительными рисками. Если большинство стран ОПЕК действительно вышли на предел своих добывающих мощностей, по этим соображениям им нужно несколько снизить добычу.

Кроме того, нужно помнить, что некоторые мощности позволяют добывать большой объем нефти, но только в течение нескольких месяцев. На более долгом промежутке времени норма добычи нефти из этих скважин должна быть несколько меньше. Это происходит по той причине, что существует понятие максимально эффективного темпа добычи (МЭТД). Он определяется гидродинамическими

характеристиками пластов. При форсированной добыче из пласта за длительное время можно извлечь меньше нефти, чем при рациональном подходе, хотя в краткосрочном плане повышение уровня добычи может быть весьма значительным. Но чем сильнее будет отклонение от максимально эффективного темпа добычи, чем выше будут текущие «выгоды», тем сильнее могут оказаться долгосрочные ущербы вследствие неизбежно более радикального, чем при МЭТД, падения добычи на поздних стадиях разработки месторождений, тем дороже будет обходиться поддержание и/или замедление падения добычи из-за необходимости более раннего применения более дорогостоящих добывающих технологий (вторичные, третичные методы добычи и т. п.). Темп добычи можно поднять на короткое время, но надолго стран ОПЕК может не хватить, потому что это ухудшит их долгосрочное экономическое положение. В итоге они идут на повышение квот, для того чтобы поправить краткосрочную ситуацию на рынке и погасить высокие цены, но в долгосрочном периоде поддерживать высокие квоты – на верхнем пределе добывающих мощностей – для них экономически нецелесообразно. Плюс к этому, это может нанести долгосрочный ущерб их нефтяной промышленности. Как результат – желание снизить объемы добычи.

– Чем вызвано предложение Евросоюза отказаться от доллара в качестве валюты, которая используется при определении цены нефти, в пользу корзины валют? Осуществимо ли это в ближайшей перспективе?

– Такие попытки уже были. В 70-е гг. для минимизации валютных рисков, появившихся после распада Бреттонвудской системы, предлагалось устанавливать цены не только по корзине разных сортов нефти, но и использовать корзину валют. В то время для этого планировалось применять «Специальные права заимствования» (SDR) как валюту, которая определяла бы базисную, маркерную цену на нефть, где в качестве маркерной нефти бралась корзина разных сортов нефти. Сейчас ЕС пытается возобновить похожую дискуссию (переход в нефтяном ценообразовании от доллара к евро), аналогичные предложения исходили и от российского руководства. В этом вопросе есть аргументы и «за» и «против», но важно разделять его экономическую и политическую составляющие. Евросоюз хочет, чтобы его валюта стала такой же мощной, как и доллар, на таком крупном сегменте мировой экономики, как нефтяной рынок. Это означало бы не только подъем политического престижа евро, но и определенные экономические преимущества для государств еврозоны. Пока в торговых операциях с нефтью используется доллар, стабильным и растущим экономикам с высокой долей экспорта или импорта требуется все больше американской валюты для обеспечения потребностей своего нефтяного рынка. Евросоюз, как крупный нефтеимпортер, в этом вопросе фактически работает на экономику США. Поэтому эти дебаты будут возобновляться неоднократно, в особенности в преддверии выборов Еврокомиссии и Европарламента. Это предложение может рассматриваться в ряду других, таких как создание в рамках Евросоюза собственной системы стратегических резервов, отличной от системы коммерческих и стратегических запасов, мониторинг которых осуществляет Международное энергетическое агентство (МЭА) в рамках трех десятков входящих в него государств, включая и США. В этих предложениях

видно желание Евросоюза играть свою, независимую от США роль, в частности, на международном энергетическом рынке, или желание некоторых еврочиновников играть более заметную роль (в преддверии выборов?), для чего выступать с различными привлекающими общественное внимание инициативами. На мой взгляд, это «предвыборное» предложение ЕС отражает, в первую очередь, сохраняющуюся глобальную трансатлантическую конкуренцию. Впрочем, оценку инициативы ЕС по созданию своей собственной, обособленной от МЭА, системы стратегических запасов углеводородов уже дало и руководство МЭА, и международное экспертное сообщество.

– Можно ли ожидать в ближайшей перспективе существенного роста роли альтернативных, возобновляемых источников энергии?

– Если понимать под существенным ростом получение ими двухзначной доли в энергобалансе, то, если учитывать среди возобновляемых источников энергии гидроэнергетику, которая уже сегодня составляет значительную долю в энергобалансе (более 5% в балансе первичной энергии), этого можно добиться. Но использование альтернативных видов энергии будет развиваться и без учета гидроэнергетики. Совокупная доля новых и возобновляемых источников энергии наряду с углем, нефтью, газом, ядерной энергией в перспективе может стать одним из важных компонентов структуры энергетического баланса, к которой придет человечество. В среднесрочной перспективе совокупная доля возобновляемых энергоресурсов с учетом гидроэнергетики вряд ли превысит уровень 10-15%, хотя в отдельных, особенно в экономически развитых странах доля некоторых их видов (например, производство ветроэлектроэнергии) уже приближается к 10%-ной планке. Однако следует помнить, что применение новых и возобновляемых источников энергии в значительной степени является пока уделом высокоразвитых государств. Основным преимуществом большинства возобновляемых источников энергии является их экологическая чистота. Забота же об экологии среды обитания начинается, как правило, при достижении довольно высокого уровня экономического развития. К тому же новые и возобновляемые источники энергии в массе своей находятся в фазе высоких издержек производства, на стадии опытно-промышленного применения. Их развитие будет зависеть от того, насколько сильно будут снижаться издержки производства электроэнергии на их основе, а также от мер административного и экономического стимулирования, как это делается в ЕС. Но никогда ни каждый из них в отдельности, ни все они в совокупности не станут играть роль доминирующего ресурса в энергопотреблении, потому что абсолютно большая часть этих энергоресурсов нацелена на производство электроэнергии. Они будут играть в основном важную, но вспомогательную роль пиковых и полупиковых энергоисточников, источников децентрализованного энергоснабжения (в основном – электроснабжения). Мы не можем перевести всю нашу экономику на электроэнергию, всегда останется ниша для жидкого и для газообразного топлива. Но основным итогом их распространения должен стать отход человечества от монополии одного энергоресурса к достаточно диверсифицированной их совокупности.

– Как долго нефть будет определять энергетическое развитие в мире?

Нефть не является определяющим фактором энергетического развития. Она используется на транспорте, от этого никуда не деться. Много нефти потребляется в химической промышленности, но это не энергетическое ее использование. Но во многих других сферах масштабное использование нефти ушло в прошлое. К примеру, в производстве электроэнергии доля мазута снизилась до уровня менее 10%, в то время как уголь пережил второе рождение, стал широко использоваться газ, те же возобновляемые источники энергии. Однако нефть остается определяющим финансово-экономическим фактором энергетического, а посему и экономического развития. Например, внешнеторговые цены на газ в тех странах, которые еще не вышли на биржевое ценообразование, как правило, привязаны к ценам на нефть или нефтепродукты. Получается, что в экономическом плане нефть продолжает оказывать большое влияние, особенно в странах-экспортерах и импортерах (достаточно вспомнить, что до сих пор цена на нефть является ключевым параметром при выработке бюджета России). Кроме того, из-за увеличения доходов населения в странах Азии (особенно в Китае) и Латинской Америки там растет автомобильный парк. Таким образом, думаю, нефть еще надолго останется очень важным, но не монополюснo определяющим фактором в мировой энергетике. Роль нефти, вытесняемой во многом газом и электроэнергией, будет продолжать относительно сокращаться: экономический рост в развивающихся странах будет сопровождаться повышением качества жизни. И то и другое невозможно без синхронной или опережающей электрификации. Производство электроэнергии будет опираться на дальнейший интенсивный рост потребления экологически чистого газа, сопровождаться формированием его глобального рынка (бурно развивающийся рынок сжиженного природного газа свяжет между собой региональные рынки сетевого газа). Выход рынка газа на следующие фазы развития приведет к отрыву механизмов его ценообразования от цен на нефть и к дальнейшему относительному уменьшению роли нефти в мировой экономике. Однако это произойдет не сегодня и не завтра.

Постоянный адрес статьи:

<http://www.rbcdaily.ru/news/person/index.shtml?2004/07/07/56923>

Все права защищены © 1995 – 2003 РИА «РосБизнесКонсалтинг»

По вопросам рекламы и подписки на новости обращайтесь на marketing@rbc.ru